

— — — — —

Страница из дневника военного священника в дисциплинарномъ батальонѣ.

Тяжела жизнь заключенныхъ въ дисциплинарныхъ батальонахъ. Лишение свободы, усиленный трудъ, постоянный надзоръ, строгое обращеніе, и... подь часъ тѣлесное наказаніе... Жутко!..

Но и въ тяжелой жизни заключенныхъ бываютъ дни, которые проливаютъ свѣтъ въ это мрачное царство обездоленныхъ, укрѣпляютъ слабыхъ духомъ, утѣшаютъ, умиротворяютъ и оставляютъ по себѣ неизгладимый слѣдъ. Такимъ именно днемъ для насельниковъ Воронежскаго дисциплинарнаго батальона была суббота на крестопоклонной недѣлѣ минувшаго (1903 г.) великаго поста: въ этотъ день, съ разрѣшенія начальника батальона, полковника А. В. Бурова, всѣ заключенные ходили въ Воронежскій Митрофаніевскій монастырь на поклоненіе Святителю Митрофану и молились у священной раки его, слезами изливая скорбь души печальной.

Фактъ этотъ настолько знаменателенъ въ жизни заключенныхъ и радостенъ для меня, пастыря ихъ, что я не могу не повѣдать о немъ читателямъ «Вѣстника», вмѣстѣ, не могу не порадовать имъ и нашего любвеобильнаго О. Протопресвитера, особо принимающаго близко къ сердцу положеніе насельниковъ тюремъ (*). Дѣло было такъ

(*) Руководимый духомъ Христовымъ, О. Протопресвитеръ пожертвовалъ въ 1903 году на весьма значительную сумму книгъ религіозно-нравственнаго содержанія въ церковныя бібліотеки Воронежскаго дисц. батальона и Московской военной тюрьмы для чтенія заключеннымъ.

Въ 1902 году начальникъ батальона разрѣшилъ паломничество въ Митрофановскій монастырь только первой ротѣ исправляющихся. Такое предпочтеніе одной роты задѣло за живое остальныхъ заключенныхъ и виѣсть подѣйствовало на нихъ благотворно: уменьшились проступки; видимо, заключенные прочихъ ротъ рѣшились заслужить и себѣ право паломничества. И дѣйствительно, когда наступилъ великій постъ, они съ первыхъ же дней стали просить меня исходатайствовать и имъ у начальника батальона разрѣшеніе помолиться у нетлѣнныхъ мошей святителя Митрофана. «Ужъ похлопочите и за насъ, батюшка, предъ начальникомъ, говорили они. Цѣлый годъ мы вели себя хорошо, служили честно, заглаждали свою вину; и теперь отблагодаримъ полковника своимъ хорошимъ поведеніемъ и службою: общаемся не дѣлать проступковъ, влекущихъ за собою судъ со всеми его послѣдствіями. Слово даемъ!»

— «Хорошо, сказала я. На этихъ условіяхъ я согласенъ переговорить съ начальникомъ о васъ, но только предупреждаю за благопріятный результатъ ходатайства не ручаюсь».

— «А мы, наоборотъ, твердо увѣрены въ хорошемъ исходѣ дѣла; вѣдь начальникъ всегда уважаетъ ваши просьбы, клонящіяся ко благу нашему. А потому не откажите, батюшка, и теперь молвите слово за насъ, да не забудьте прибавить—что мы даемъ солдатское слово оправдать его къ намъ довѣріе».

— «Ну, ладно; ужъ если даете солдатское слово, я не могу не вѣрить вамъ и потому постараюсь исхлопотать вамъ разрѣшеніе. Помогите же вамъ, Богъ, утвердиться въ вашихъ добрыхъ намѣреніяхъ и расположеніяхъ сердечныхъ!»

Наступила пятница четвертой недѣли. Окончивъ исповѣдь заключенныхъ, я, послѣ всенощной, отправился къ начальнику батальона. Полковникъ встрѣтилъ меня, какъ всегда, привѣтливо, провелъ въ столовую и усадилъ за столъ, за которымъ кишѣлъ самоваръ. За чаемъ, я сообщилъ начальнику желаніе заключенныхъ и, съ своей стороны, просилъ за нихъ. Ходатайство было уважено. «Пусть идутъ съ Богомъ на пользу себѣ,»—сказалъ полковникъ.

Глубоко тронутый, я сердечно поблагодарилъ внимательнаго и заботливаго начальника и поспѣшилъ къ заключеннымъ, чтобы порадовать ихъ.

На слѣдующій день, причастившись св. Христовыхъ Таинъ, батальонъ въ полномъ своемъ составѣ, отправился въ Митрофановскій монастырь. Я

счедь долгомъ быть тамъ, куда устремились мои дѣти. Когда мы входили въ храмъ, онъ былъ полонъ народу: это были жители города Воронежа и окрестныхъ слободъ, пришедшіе, какъ и мы, послѣ причащенія св. Христовыхъ Таинъ, поклониться Святителю Митрофану и у гроба его найти отраду и утѣшеніе въ тяжелыхъ трудахъ своихъ и скорбяхъ, и запасть силами, чтобы терпѣливо, безропотно нести тяжелый жизненный крестъ. Кого-кого тутъ нѣтъ! — думалъ я, глядя на эту сбрую толпу богомольцевъ.

Солдаты стали рядами, съ двухъ сторонъ, около гробницы Святителя. Давъ народу успокоиться, я, предъ началомъ молебна, сказалъ слово такого содержанія.

«Воины православные! къ великому угоднику Божію Святителю Митрофану, Воронежскому Чудотворцу, съ самаго дня прославленія его Господомъ, изъ далекихъ и близкихъ странъ ежегодно, цѣлыми тысячами идутъ богомольцы на поклоненіе. Среди нихъ видимъ мы — и богатыхъ и бѣдныхъ и вельможъ и простолюдиновъ, и царей и рядовыхъ воиновъ.

Вотъ и вы пришли въ этотъ храмъ затѣмъ, несоиѣнно, чтобы повѣдать Святителю Митрофану свои скорби и печали, и получить отъ него отраду и успокоеніе удрученными сердцами своими.

Принесите же предъ нимъ, въ настоящія минуты, истинное покаяніе въ грѣхахъ всей своей прошлой жизни; а истинное покаяніе состоитъ въ перемѣнѣ сердца, въ исправленіи жизни: у кого сердце злое и нечистое, тотъ перемѣни его и сдѣлай добрымъ и чистымъ; кто велъ жизнь худую, тотъ исправь себя и веди жизнь хорошую, благочестивую, достойную воина-христіанина. Вникните въ слова молитвы — «духъ же цѣломудія, смиренномудрія, любви даруй ми, а духъ праздности, унынія, любоначалія и празднословія не даждь» и просите, просите себѣ этихъ великихъ качествъ, — вотъ это будетъ настоящее покаяніе, Святителю пріятное; и онъ тогда воздохнетъ ко Господу Богу и испроситъ намъ великую милость у Него и благословеніе послужить Царю Батюшкѣ вѣрой и правдой, по присягѣ.

Помолимся же угоднику Божію Митрофану, твердо вѣруя, что ни одинъ молитвенный вздохъ, ни одна слеза раскаянія, ниспадающая съ рѣсницъ нашихъ, не могутъ остаться не замѣченными великимъ ходатаемъ нашимъ предъ Богомъ.

Граждане Воронежскіе и жители окрестныхъ слободъ! Прошу и васъ помолитесь вмѣстѣ съ нами и за насъ великому Святителю земли Русской.

Совѣстная и единодушная молитва цѣлаго сонма вѣрующихъ особенно доступна Богу. Аминь.

Начался молебенъ. «Царю небесный», — всѣ солдаты подхватили хоромъ и пѣніе дружное, глубоко прочувствованное наполнило обширный храмъ. Вмѣстѣ съ заключенными толпа эта пѣла, все болѣе и болѣе проникаясь величіемъ минуты. Заключенные усиленно и часто крестились, другіе старались незамѣтно смахнуть набѣжавшую слезу. Съ такимъ же восторгомъ было пропѣто всѣми въ заключеніе молебна: «Владычице, прими молитвы рабъ твоихъ и избави насъ отъ всякія нужды и печали! «Господи помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй!»

Кончился молебенъ. Съ душевнымъ умиленіемъ приложились заключенные къ нетлѣннымъ мощамъ Святителя Митрофана, и пошли изъ церкви радостные и спокойные съ высоконастроенными чувствами честно послужить Богу и Великому Государю...

Я вышелъ изъ храма послѣднимъ. Сердце полно было радости, что моимъ заключеннымъ посчастливилось отдохнуть душой у раки св. Митрофана, въ молитвѣ побесѣдовать съ нимъ, облегчить свою кручину и запастись энергіей и терпѣніемъ для новой жизни. Да, я искренно радовался за нихъ, я надѣялся на свѣтлое будущее для нихъ, я вѣрилъ въ возможность исправленія ихъ: надо только, думалось мнѣ, имѣть побольше любви къ нимъ, побольше теплоты сердечной.

Дѣйствительно, чтобы съ успѣхомъ сѣять сѣмена добра на пивахъ, поросшихъ терніями и волчцами, чтобы «глаголомъ жечь сердца людей порочныхъ», воспламеняя въ нихъ сабѣ вѣры и надежды, — для этого пастырю заключенныхъ надобно самому обладать особыми личными качествами. Въ немъ предполагается твердая вѣра въ благодать Божію. Пастырь церкви долженъ быть далекъ отъ презрительнаго, врачнаго взгляда на человѣческую природу, хотя и поврежденную, онъ обязанъ съ любовію приблизиться къ грѣшнику, чтобы оказать ему добро (В. Пѣвницкій). Пастырь — и въ преступникѣ, отверженцѣ общества, видитъ искру Божію, цѣнить въ немъ созданіе Божіе; для него и насельники тюрьмы — люди, которымъ стоитъ только руку протянуть, чтобы при помощи Божіей, вернуть на путь истинный.

Руководимый такимъ взглядомъ, пастырь весь отдается Божьему дѣлу и вѣритъ въ успѣхъ, имѣя порукою слова Спасителя: «Царствіе Небесное подобно зерну горчичному, которое человекъ взялъ и посѣялъ на полѣ

своимъ, которое, хотя и меньше всѣхъ сѣмянъ, но когда выростеть, бываетъ больше всѣхъ знаковъ и становится деревомъ, такъ что прилетаютъ птицы небесныя и укрываются въ вѣтвяхъ его (Мф. XIII, 31—32). Кто не имѣетъ указанныхъ качествъ, тотъ пусть не беретъ на себя высокой, трудной и отвѣтственной миссиіи священника въ мѣстахъ заключенія, потому что

«Какъ ты будешь вожакомъ
Коль съ дорогой не знакомъ?»

Самоотверженная любовь необходима лицу, призываемому къ пастырскому служенію въ темницѣ.

Боже! Ты послалъ мнѣ жребій быть пастыремъ случайной общины. Помоги же мнѣ служить самоотверженно падшимъ людямъ, потому что въ служеніи этимъ то несчастнымъ особенно познается величіе и сладость священническаго служенія.

Бывшій священникъ Воронежскаго дисциплинарнаго батальона *В. Ягодинъ*.
